
АННА
ГРАНИНА
БЫВШАЯ
ЖЕНА ОФИЦЕРА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Анна Гранина

Бывшая жена офицера

«Автор»
2026

Гранина А.

Бывшая жена офицера / А. Гранина — «Автор», 2026

— Тата, не верю, что это ты! — незнакомый мужчина, которому я только что помогла, внезапно обнимает меня посреди ресторана.Я машинально отталкиваю его.— Кто вы такой? — делаю шаг назад, но он не намерен отпускать.— Неужели не помнишь? Мы женаты. Ты пропала три года назадЯ щурюсь и чувствую, как кружится голова. Память бьёт вспышкой: наша счастливая семья, моя беременность,видео его измены, моя спешка чтобы увидеть все своими глазами, фары навстречу, резкий удар и темнота.— Вообще-то это я ее муж, — надежные руки Артема меня защищают от этого незнакомца.За месяц до свадьбы, я встречаю своего бывшего мужа о котором не помню ничего. А когда память ко мне возвращается я понимаю, что мне нужно бежать, пока он не узнал мою тайну, тайну, что перевернет мою жизнь вновь . Что у него есть дочь о которой он знать не достоин.

© Гранина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация: 5
Глава 1. Наташа. 6
Глава 2. Наташа. 8
Глава 3. Наташа. 10
Глава 4. Алексей. 15
Глава 5. Алексей. 17
Глава 6. Алексей. 20
Глава 7. Алексей. 24
Глава 8. Алексей. 29
Глава 9. Алексей. 33
Глава 10. Алексей. 35
Глава 11. Алексей. 39
Глава 12. Алексей. 41
Глава 13. Алексей. 43
Глава 14. Алексей. 45
Глава 15. Наташа. 47
Глава 16. Наташа. 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Анна Гранина
Бывшая жена офицера

Аннотация:

— Тата, не верю, что это ты! — незнакомый мужчина, которому я только что помогла, внезапно обнимает меня посреди ресторана.

Я машинально отталкиваю его.

— Кто вы такой? — делаю шаг назад, но он не намерен отпускать.

— Неужели не помнишь? Мы женаты. Ты пропала три года назад…

Я щурюсь и чувствую, как кружится голова. Память бьёт вспышкой: наша счастливая семья, моя беременность,

видео его измены, моя спешка чтобы увидеть все своими глазами, фары навстречу, резкий удар… и темнота.

— Вообще-то это я ее муж, — надежные руки Артема меня защищают от этого незнакомца.

За месяц до свадьбы, я встречаю своего бывшего мужа о котором не помню ничего. А когда память ко мне возвращается я понимаю, что мне нужно бежать, пока он не узнал мою тайну, тайну, что перевернет мою жизнь вновь . Что у него есть дочь… о которой он знать не достоин.

Глава 1. Наташа.

Я только что вернулась домой.

Дверь едва успевает закрыться за спиной, а я уже чувствую, как ноги подгибаются от усталости.

Сегодняшний день в больнице растянулся, как бесконечный забег: четыре часа в операционной, вереница пациентов…

Устала. Наверное, действительно пора взять больничный.

Шестой месяц беременности делает каждый шаг ощутимым: тянет поясницу, ноет низ живота, будто тело заранее предупреждает — хватит, остановись, ты не молодая свежая козочка, хватит скакать!

Но я не умею останавливаться.

Сегодня на УЗИ мне сказали: девочка.

Наша девочка.

Долгожданная, выстраданная, та, которую мы ждали годами.

Я всю дорогу домой держала ладонь на животе, будто оберегала маленький теплый огонек внутри. Хотела показать видео с УЗИ Леше вечером: тихо, красиво, за ужином. Он обещал приехать к шести.

Я накрываю стол аккуратно, почти трепетно: тарелка ровно по центру, вилка слева, нож справа, салфетка сложена уголком, сок гранатовый. Мне кажется, что если всё сделать правильно, красиво, с любовью — он увидит, как я старалась, и у нас все потихонечку начнет налаживаться. Тем более мне скоро выходить в декрет. И времени у меня станет намного больше для нас.

Я бросаю взгляд на часы:

18:10.

Стрелки медленно, мучительно ползут по кругу.

Когда телефон вибрирует, я едва не роняю бокал.

— Да, Леш? — отвечаю слишком быстро, будто боюсь, что звонок растворится, если помедлю хоть секунду.

Щелчок зажигалки. Шумный вдох.

Корпус телефона чуть дрожит в ладонях от того, как перекладываю его из руки в руку. Боюсь пропустить хоть что-то.

— Привет, Тат, — говорит муж привычно, почти автоматически. И от этого короткого «Тат» мне становится тепло. Странно, что всё ещё становится.

Я верю своему мужу. Всегда верила.

Сколько раз за пятнадцать лет нашего брака его пытались подставить, оболгать?

Сколько раз он доказывал, что держит слово? И сейчас я ему верю!

— Привет, родной, ты где? — выпаливаю с надеждой.

Ведь успела все! и ужин приготовить и себя в порядок привести, не смотря на мое положение. Шестой месяц беременности это вам не шутки.

— Я вышел покурить. Переговоры затянулись, Наташ, понимаешь? — говорит он уставшим голосом. — Я не успеваю сегодня. Завал. Буду только завтра. Извини…

На фоне странная тишина. Или… это в моей душе, так пусто и холодно.

Абсолютная пустота.

Будто он не на работе, не рядом с коллегами, не у здания — а в пустом помещении, где даже воздух глушит звуки.

Он мне лжет?

Или действительно просто устал?

Надежда, которую я носила весь день, медленно сдувается, как воздушный шарик, который кто-то проколол.

— Я приготовила ужин… — тихо напоминаю. Стараюсь говорить так, чтобы он услышал не обиду, а усталость. — И… у меня для тебя сюрприз.

Он даже не спрашивает.

— Отложи свой сюрприз. Расскажешь завтра. Прости, Наташ. Мне уже пора…

Прости.

Как будто эти короткие пять букв способны склеить пустоту между нами.

— Я тебя люблю, — говорю я. Но звучит это не как признание, а как крик… мольба…. Как тонкая нить, которую я протягиваю через расстояние.

— Я тебя тоже люблю, — произносит он.

Сухо. Безразлично. Спустя несколько секунд молчания и одну затяжку.

Как будто исполняет обязанность.

И отключается первым.

Он даже не дал мне попрощаться.

Нить рвется.

Я прислоняюсь бедром к столешнице.

Ощущение тяжести накатывает сразу холодной, вязкой волной.

«Он не хочет ко мне», — постепенно оформляется мысль. — «Он просто не хочет».

Неужели из-за беременности я стала для него обузой?

Когда это началось, что я просто не заметила?

Я делаю шаг к столу, чтобы начать убирать посуду, чтобы чем-то занять свои руки и голову!

Но телефон снова вибрирует, едва я успеваю его положить на столешницу.

Экран светится безымянным номером.

Опять он. В который раз за последние две недели? Четвертый…

Только сегодня это не пустые слова, а видео.

Я стою, не дыша. Не жива и не мертва.

Боюсь нажать. Боюсь увидеть. Боюсь узнать.

Но я должна.

Я нажимаю.

Глава 2. Наташа.

Кремовая кафельная плитка на весь экран.

Я слышу плеск воды и женский смех: лёгкий, довольный, уверенный в себе.
В следующую секунду камера показывает её лицо.

Молодую. Красивую. Блестящую от влаги. Губы слегка приоткрыты, взгляд — прямой, смелый, дерзкий и уверенный. Да, что уж лукавить – она красавица.
Она держит телефон перед собой, словно делает обычное селфи.
— Леш, смотри, как красиво, — произносит она, улыбаясь в объектив.
И всё.

Мир перестаёт быть прежним.
Потому что позади неё — он.
Мой муж.
Тот с кем я от лейтенанта до полковника по горнизонам кочевала и в общаге жила. Мы с ним столько сложностей прошли… И вот казалось бы… все у нас есть. Ждем долгожданного ребенка. А он… ему этого мало… или и вовсе не нужно.
Он сидит в той же ванне, притягивая её к себе так, будто она часть его тела.

Её спина плотно прижата к его груди.

Его руки свободно лежат у неё на плечах, пальцы лениво двигаются по её коже , нежно ласкают каждый сантиметр, трепетно так…
Сглатываю колючий ком. Промаргиваюсь и вглядываюсь в экран телефона.

Замираю. Заставляю себя замереть.
На его лице мягкое, спокойное выражение.

Такое, каким он давно не смотрел на меня.

Или, может быть, я просто забыла, как это выглядит. Как это было у нас, между нами…
Он наклоняется ближе, касается губами её хрупкого плеча.
— Оль, зачем тебе это? — говорит негромко, чуть насмешливо. — Перестань дурью маяться.
Оль.
Имя ударяет в грудь, будто кто-то бросил в меня камень.
Оля.
Его новый юрист.

Та, чьи сообщения я видела поздними вечерами.

Та, о ком он говорил, что «это по работе, Наташ, не придумывай ерунду».
Я чувствую, как что-то внутри меня рвётся.

Не душа — нет.

Скорее, та тонкая оболочка, что держала меня все эти годы.
Боль становится физической, острой.

Я хватаюсь за живот, чтобы удержать этот мир внутри, наш маленький огонёк.

Я боюсь за ребёнка, но заставляю себя стоять.
Мама всегда говорила, что я сильная.

Коллеги говорят, что я железная.
А сейчас я разваливаюсь, как старый, никому не нужный, забытый хлам.
Я не могу отвести взгляд от экрана.
Он целует её в висок.

Она смеётся, прижимается к нему, наклоняет голову, и он целует её в губы.

Плеск воды смешивается с её тихим стоном.
Видео обрывается.
Мир рушится так тихо, что я сначала думаю: это я упала. Но нет. Я всё ещё стою.

Только уже не понимаю, как.
Телефон вспыхивает новым сообщением:
«Отель "Лесная Ривьера". Номер 314. Возьмешь ключ у горничной.»
Холод поднимается по позвоночнику, как столб ледяной воды.
Он не просто мне лгал.

Он предал меня, в тот самый момент, когда я ношу его дочь под сердцем.
Ещё одно сообщение:
«Приезжай и убедись сама, квочка.»
Я смотрю на эти слова.

И понимаю, что выбора больше нет.
Я должна поехать.

Не для себя. Хотя.. для себя тоже.
Чтобы знать, в какой мир я привожу свою долгожданную, вымоленную у Бога девочку. Чтобы понять как мне жить дальше.

Глава 3. Наташа.

Я спускаюсь в гараж, держась за перила сильнее, чем обычно.

Ноги ватные, голова гудит, но я все равно иду. Мне кажется, что если я сейчас остановлюсь, просто присяду на ступеньку, то уже не поднимусь. Останусь там, свернусь клубком и растворюсь вместе со своей болью.

Я машинально провожу ладонью по округлившемуся животу, будто проверяю, все ли там хорошо с моей девочкой, и только потом нажимаю на ключ. Фары моргают, машина откликается.

Сажусь за руль, хлопаю дверцей, несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю. Руки дрожат.

— Соберись, Наташа, — шепчу сама себе. — Ты должна это увидеть.

Поворачиваю ключ, двигатель оживает.

Ощущаю вибрацию через сиденье, через спину, и эта привычная механическая жизнь подо мной как-то держит меня в реальности.

Выезжаю из бокса, медленно, аккуратно. Фары выхватывают из темноты полосы разметки, чужие машины, чужие судьбы... Все живут, едут куда-то, не подозревая, какой ад сейчас творится в моей голове.

Так. Отель.

«Лесная Ривьера».

Я знаю, что он за городом, но адрес… адрес я видела в последнем сообщении. А за городом в темноте я могу заплутать…

Я судорожно шарю рукой по сиденью, заглядываю в сумку, потом еще раз, глубже, перерываю косметичку, кошелек, отделения. Ничего. Проверяю карманы пальто, джинсов. Пусто.

— Нет, нет, нет… — бормочу, чувствуя, как по спине течет холодный пот.

Вижу в голове картинку: коридор, комод, телефон, лежащий ровно по центру, где я его всегда бросаю, когда собираюсь.

На эмоциях я просто схватила ключи, сумку и вылетела из квартиры.

Телефон остался дома.

— Дура, Наташка, — глухо выдыхаю. — Ну какая же ты рассеянная…

Что делать?

Вернуться?

Я сжимаю руль так, что пальцы белеют.

Если я сейчас развернусь, поднимусь обратно домой, зайду в эту квартиру, где пахнет ужином, где уют, что я создавала своими руками, я очень хорошо знаю, что будет дальше. Скину обувь, дойду до спальни, упаду лицом в подушку и не встану. Никуда не поеду.

Утром скажу себе, что все это какая-то провокация, монтаж, больной розыгрыш. Что я же верю своему мужу, верно? Я всегда ему верю.

Я молчала все это время.

Две недели сообщений, намеков, обрывков фраз.

Его задержки на работе, усталое лицо, раздражение, молчание со мной, важные разговоры по службе поздно вечером.

Я списывала все на службу, на бесконечные проблемы, на ответственность. У него их уйма, у моего Леши. Всегда было.

Я просто терпеливо ждала, когда закончится наш кризис, когда он выдохнет, когда вернется ко мне прежний Леша. И все будет как раньше и даже лучше! Ведь мы ждем нашу девочку…

А оказывается…

Оказывается, на работе у него проблемы другого характера.

Там, в его «завале», просто завелась юбка.

Женщина, у которой хватило наглости и бесстыдства раздвинуть ноги перед женатым мужчиной.

Я моргаю, и только тогда понимаю, что вижу дорогу расплывчато.

Глаза режет.

Я плачу.

Господи, когда я вообще в последний раз плакала?

Кажется, после похорон мамы. Почти четыре года назад. Тогда я лежала, уткнувшись в подушку, и ревела так, что казалось, легкие разорвутся.

И кто меня тогда вытаскивал из той ямы, кто сидел рядом, держал за руку, заставлял есть, дышать, жить?

Мой муж.

Тот самый, который сейчас в чужой постели.

Мой первый и единственный мужчина.

Человек, с которым я прожила почти половину своей жизни.

С кем прошла огонь, воду и… да, наверное, и эти самые медные трубы.

А сейчас я сижу за рулем, промаргиваю слезы и пытаюсь вбить в штатный навигатор авто название отеля. Без адреса. Просто «Лесная Ривьера».

Система думает, предлагает варианты, и один из них подсвечивается ярче.

Нажимаю на него, почти не раздумывая.

Стрелка прокладывает маршрут.

Я выезжаю из двора, из затесавшегося между домами кармана, и вливаюсь в поток.

Красивое место выбрал мой муж.

Все для романтики.

За городом, в лесу, подальше от посторонних глаз.

Идеально, чтобы прятать свою вторую жизнь.

Чем дальше от центра, тем свободнее трасса. Машин становится меньше, дома по бокам редеют, вместо них — темные массивы деревьев. Фонари упрямо отступают, и дорога начинает напоминать черную ленту в никуда.

Начинает накрапывать дождь.

Мелкий, колючий.

Дворники лениво проводят по стеклу, размазывая свет редких встречных фар.

Природа как будто подыгрывает моему состоянию: не гром, не буря, а именно этот мелкий, изматывающий дождь, от которого не спрятаться.

Моя душа тоже плачет.

И слезы текут сами собой, без разрешения. Я вытираю лицо тыльной стороной ладони, но тут же понимаю, что это бесполезно — глаза наполняются снова.

Малышка в животе будто чувствует мое состояние.

Сначала легкий толчок, потом еще один.

Она перекатывается внутри, шевелится чаще обычного, словно пытается дотянуться изнутри, обнять, успокоить.

— Потерпи, моя хорошая, — шепчу, не отрывая рук от руля. — Все будет у нас с тобой хорошо.

Сама себе не верю, но ей нужно, чтобы я говорила именно так.

— Мамочка все решит, слышишь? — голос срывается, но я продолжаю. — Мы с тобой будем самыми счастливыми. Я буду тебя любить сильно-сильно. Если надо, за двоих.

Навигатор предупреждает о повороте, я сбрасываю скорость. Асфальт становится темным, блестящим. Колеса чуть скользят по мокрой разметке, но машина держится уверенно.

Внутри все так болит, что мне трудно дышать ровно.

Фантазия сама рисует мрачные картины, одна другой страшнее.

Я вижу этот номер.

Свечи на тумбочке.

Стол с полупустыми фужерами.

Шампанское в ведерке.

На ней кружевное белье, которое я себе не покупала уже сто лет… Не до него было!

Кровать, усыпанная лепестками роз.

Смешно.

Банально.

Но он же не оригинальностью ее соблазнял, верно?

И они – в центре этой постели.

Он целует ее, она выгибается ему навстречу, обнимает его ногами, стонет, шепчет ему на ухо то, чего я, возможно, никогда не говорила.

— Господи, Наташа, остановись, — шепчу сама себе, сжимая руль. — Зачем ты это крутишь в голове?

Может, она вообще мне врет?

Может, смонтировала это видео, чтобы насолить? Такое ведь возможно? Технически – да.

Люди сейчас на что только не идут…

А если нет?

Если там действительно чувства?

Если он меня разлюбил?

Все нутро кричит, что это так.

Я слышала его интонации в этом видео. Видела, как его руки гладят ее неторопливо, не грубо, не как женщину на вечер. Там было что-то мягкое, бережное, слишком личное.

Там и правда чувства.

От этой мысли внутри что-то сжимается в точку, грудь словно стягивает обручем.

Моя душа умирает в эти секунды.

И только трезвая, профессиональная часть меня – та, что привыкла думать холодно, когда чужая жизнь в твоих руках, – цепляется за рациональное:

такой сюжет слишком кинематографичен.

В жизни чаще все проще: банальная измена, банальный секс на стороне, никаких великих чувств.

«Совещания… одно за другим…» — отражается в голове его голос.

Еще один поворот.

Лес подступает ближе, деревья почти нависают над дорогой. Фонари здесь редкие, между их кругами – провалы темноты.

— Булочка моя, потерпи, — прошу дочку.

Она беспокоится сильнее, толчки становятся резкими, болезненными.

— Все, все, сейчас мы приедем, — шепчу, даже не замечая, что сама ускоряюсь. Хочется поскорее доехать, поскорее увидеть, а потом… потом уже …

Навигатор равнодушным голосом предупреждает о мосте впереди.

Я вижу впереди яркое пятно света: съезд, развязка, ограждения.

И вдруг встречные фары.

Слишком близко.

Слишком ярко.

Машина вылетает из-за поворота навстречу, ее свет бьет мне в глаза, ослепляет.

Мокрый асфальт под колесами становится предательски скользким.

Я инстинктивно дергаю руль в сторону, пытаясь уйти, но чувствую, как машину заносит.

Все происходит одновременно и разорванно.
Светоотражающие столбики по краю дороги мелькают один за другим.

Руль вырывается из рук.

Машину бросает к ограждению.
Я успеваю подумать только об одном:
«Только бы с ней… с малышкой… все…»
Удар.

Очень громкий.

Металлический скрежет рвет пространство. Машину подбрасывает, переворачивает, все вокруг кувырком. Голова ударяется о подголовник, бок, стекло, ремень впивается в плечо.
И вдруг под колесами больше нет дороги.
Есть только короткий, жуткий, свободный полет.

Тело прижимает к сиденью.
Я вижу перед собой черноту и отражение фар.

Вода.
И в следующее мгновение ее холодный удар накрывает машину, гасит свет, глушит звук.
Все исчезает.

Остается только тьма.

Глава 4. Алексей.

Я сплю.

Точнее, проваливаюсь в то вязкое, тяжелое состояние после секса, когда тело расслаблено до одеревенения, а мозг еще пытается что-то думать, но уже сдается.

Оля лежит рядом, уткнувшись мне в плечо, дышит ровно, перебрасывает ногу через меня, как будто я принадлежу ей.

Номер полутемный, из щели между шторами лезет тусклый свет фонаря с парковки.

Телефон начинает вибрировать где-то на тумбочке, сначала настойчиво, потом уже раздражающе.

Я морщусь, машинально тянусь рукой.

Нащупываю холодный пластик, подношу к лицу, даже не глядя на экран.

— Чернов, — рычу в трубку, хриплым, сонным голосом.

— Это дорожно-патрульная служба, — отвечает мужской голос, резкий, официальный. — Вы владелец автомобиля BMW, госномер... семьсот семьдесят семь?

Я просыпаюсь окончательно.

Сердце делает странный толчок.

— Да. Что случилось? — сажусь на кровати, отбрасывая одеяло, чувствую, как Олина рука соскальзывает с груди.

— Вам необходимо прибыть на место. Произошло ДТП.

Он называет трассу. Мост. Тот самый, по которому я езжу сейчас достаточно часто, сюда. Сука.

Мир как будто дергается, меняется фокус.

— Еду, — выдыхаю.

Сбрасываю вызов.

— Леша?.. — Оля поднимает голову, сонно щурится. — Что случилось? Который час?

— Спи, — бросаю, уже вставая.

— Леш, ты куда? — голос становится тревожнее. — Ты же обещал до утра остаться. Опять уходишь? Сколько можно…

— Потом, Оль, — резко. Мне сейчас не до ее обид. — Мне нужно ехать.

Она что-то отвечает, но я уже в ванной, быстро плескаю в лицо воду, вытираюсь полотенцем.

В зеркале – помятое лицо мужика за сорок, и выражение такое… что блять, написано четко: потрахался в сласть.

Джинсы, футболка, куртка. Ключи из кармана пиджака. Документы. Все — на автомате.

Оля смотрит, как я быстро собираюсь, сжимает одеяло у груди. Губы поджаты, в глазах обида.

У меня нет ни желания, ни права сейчас ее успокаивать.

Дверь номера захлопывается за моей спиной громче, чем нужно.

Я сажусь в машину, завожу.

На часах без пятнадцати час ночи.
Секунда — и мысль, как удар: «Наташа».
У меня дрожат руки.
Что мой автомобиль делает у черта на куличках, на мосту, в час ночи?

Кто за рулем? Что за бессмертная тварь решила на нем покататься?
Черт.
Я сжимаю руль так, что костяшки белеют.

Звонить ей? Вдруг угнали, а она не в курсе. Спит…
Если спит — напугаю.

Беременная, лишние нервы ей нельзя.
Я стискиваю зубы.
«Надо, блядь, думать головой, а не…»

Удар мысли в лоб такой силы, что хочется выматериться вслух.
Я все-таки жму вызов.

Раз.

Два.
Гудки идут, она не берет.
— Давай… ну ответь же, — шиплю в темноту.
Сбрасываю. Звоню снова. Еще.

Ноль.
«Может, спит. Может, телефон в другой комнате. Может звук не включила после работы».

Логика пытается залатать дыру в груди, но получается херово.
Дорога под фарами тянется вязко. Я жму на газ больше, чем нужно, не глядя на спидометр.
Когда впереди возникают огни, я понимаю, что там происходит что-то нехорошее, еще до того, как вижу детали.
Мигалки.

Красные, синие.

Несколько машин ДПС, «Скорая», пожарные. Ограждение, конусы, перекрытие полосы.
Я практически врезаюсь в пост, резко торможу, машину слегка ведет, резина визжит.
Вылетаю из салона, хлопая дверью, и мчусь к кордону.
— Куда, гражданин? Стоять! — ко мне идет молодой лейтенант, выставляя руку.
Я рывком тащу из кармана удостоверение, почти пихаю ему под нос.
— Полковник Чернов, — рявкаю. Голос сам находит тот самый, командирский, старый. — Мне звонили.
Он отсалютовал скорее рефлекторно, чем осознанно, кивает, пропуская.
— Проходите, товарищ полковник.

Глава 5. Алексей.

Я иду дальше, видя картинку кусками.

Мокрый асфальт, блестящий от дождя.

Перекошенное металлическое ограждение на мосту.

Следы торможения, рваная траектория.

Внизу - чернота речной глади.
И кран, который тянет из воды машину.

Мою машину. Ту, что я Наташе год назад подарил…
Сердце сжимается в кулак.
— Вы кто? — подходит ко мне мужчина постарше, уже в капитанских погонах.
— Чернов. Вы мне звонили, — я едва узнаю собственный голос.
— А, да… — он кивает, тяжело вздыхает. — Ваш автомобиль сейчас достают.
Он показывает рукой туда, где кран медленно, с натужным скрежетом поднимает из тьмы мокрый, разбитый кузов BMW.
Машину качает, с нее льется вода, стекла выбиты, капот смят, как картон.
Что-то внутри меня ломается.
— Так, блядь, — у меня срывается, я даже не пытаюсь сдерживаться, — объясните мне нормально, что происходит.
Капитан не обижается на тон. Просто смотрит устало, по-деловому.

Он привык к чужим трагедиям.
— Поступил звонок о ДТП, — начинает. — Очевидец сообщил, что автомобиль пробил ограждение моста и упал в реку. Когда мы прибыли, уже работало МЧС.
Слова будто не доходят. Они как через ватную стену.
— Кто был в машине? — спрашиваю.
Голос глухой, чужой.
— Выясняем, — отвечает он. — Тел в салоне не обнаружено. Сейчас водолазы прочесывают участок реки.
— Что? — я не понимаю.

У меня все внутри хрустит, как лед под ногами ломается…
— Могло выбросить наружу при ударе, — поясняет капитан. — Видите, ограждение разбито.
Я смотрю на смятое железо, на черные клочья резины, на развороченную кромку моста.

В глазах рябит.
Он говорит еще что-то… про протокол, про эвакуацию, про оформление, я уже не слышу.
Телефон в кармане снова вибрирует.

Оля.
Я смотрю на экран долю секунды и нажимаю «сбросить».

Здесь и сейчас ее не существует.
Жму другой контакт.
«Наташа».
Гудки.

Один.

Второй.

Третий.
Никто не отвечает.
— Возьми, ну возьми же… — шепчу, не осознавая, что говорю вслух.
Снова сбрасываю, звоню еще.

Тишина… вместо заветного сонного “Привет” НИЧЕГО!
Мир съеживается до двух фактов:

Моя машина — в реке,

Моя жена — не берет трубку.
Холод, поднимающийся изнутри, становится невыносимым.
— Товарищ полковник, вам нужно…
— Мне нужно домой, — отрезаю я, сам не веря, что ухожу. Но мысли уже летят вперед.
Если она дома, если она сейчас тихо и мирно спит в нашей кровати, под одеялом, если этот кошмар каким-то чудом не про нее…
Если.
Это «если» — единственное, за что я готов держаться зубами.
Иначе…
Я влетаю во двор и бросаю машину абы - как, похер вообще! , Перескакиваю через ступеньки, почти не чувствуя под собой их.

Ключи в дверной замок попадают не сразу - пальцы дрожат.
Дверь распахивается.

Я врываюсь внутрь.
— Наташа! — голос срывается на хрип.
Коридор пустой.

Тапочки на месте. Ее куртка висит на крючке.
И на комоде — телефон.

Ее телефон.
Я останавливаюсь как вкопанный.

Мир в этот момент делает такой резкий зум, что мне кажется, сейчас сознание просто выключится.
Телефон лежит ровно там, где она обычно его бросает.

Рядом ключи. Шарфик. Футляр от очков.

Меня накрывает волна паники, такой мощной, что я хватаюсь за стену рукой, чтобы не упасть, блть, на пол.

— Наташа… — шепчу.

Иду в спальню — пусто.

Кухнюёя — пусто.

В ванной темно, везде порядок, все как всегда.

Только ее нет.

И я понимаю.

Это она была в машине.

— Нет… — выдавливаю, и звук этот больше похож на стон.

Я разворачиваюсь так резко, что едва не сбиваю с ног табурет.

Мне нужно туда… мне нужна моя жена.

Глава 6. Алексей.

Когда возвращаюсь на мост, машину уже вытащили полностью.

Она стоит на обочине, мокрая, разбитая, будто чужая.

Ну не может этого происходить с нами!

Я подлетаю к ней, впиваюсь пальцами в дверь, словно могу разжать металл и открыть смятую дверь. А потом вижу, что внутри: разбитая приборная панель, взорвавшиеся подушки безопасности, изогнутый руль.

И… никого…

— Наташа… — шепчу, как больной. — Наташа…

— В машине никого не было, — произносит за спиной чей-то голос.

Я оборачиваюсь. Тот же капитан. Лицо серьезное, но без лишней жалости — рабочая маска.

— Только вот это, — добавляет он и протягивает мне предмет.

Мокрая сумка.

Ее сумка.

Та самая, с которой она ходит на работу, в магазин, везде… она с ней на расстается никогда.

Лет пять назад привез ей из командировки эту сумочку, ручной работы. Случайно увидел и решил, что она понравится жене. Понравилась, все остальные забросила.

Я узнаю ее сразу, хотя она вся в грязи и воде. Ярко-рыжая кожа.

Колени подкашиваются.

Я падаю на колени, не заботясь о том, что происходит вокруг. Асфальт холодный, твердый, но я едва это чувствую.

Сумка в моих руках тяжелая, как кирпич.

Такое ощущение, что в ней лежит все… .

Вся моя жизнь.

— Наташа… — шепчу, уже не в силах повысить голос. — Где ты…

В груди разрастается один-единственный, звериный ужас.

Ни тела.

Ни жены.

Ни ответа.

Только мост.

Река.

И я — тот, кто должен был быть рядом, а лежал в чужой постели.

И это уже не просто страх.

Это приговор.

Я закрываю глаза на секунду — только чтобы не рухнуть лицом в мокрый асфальт, не завыть, не сорваться прямо тут, среди мигалок, чужих голосов и яркого света прожекторов.

Грудь сжало так, что боль стала физической.

Сцепляю зубы так, что ноют челюсти.

И поднимаюсь.

Нет.

Нет, блядь.

Я ее найду.

— Прочесать русло! — голос у меня рвется. — В радиусе пяти километров! Немедленно!

Капитан моргает, будто не ожидал того, что я сразу беру на себя управление операцией.

— Товарищ полковник… — начинает осторожно. — Здесь сильное течение. Горная река. Малая глубина, пороги. После дождя уровень воды поднялся, видимость почти нулевая…

— Мне похуй! — взрываюсь так, что трое стоящих рядом бойцов дергаются. — Понятно?! Прочесываем ВСЁ!

Мой голос звучит так, словно сейчас война, а не операция по поиску потерявшегося человека. Хотя… это, блять, война! Моя.

— Дайте мне фонарь, — бросаю. — Я иду с вами.

— Товарищ полковник, вы не можете спускаться вниз! — капитан перегораживает мне путь. — У вас нет спецподготовки и обмундирования. Мы не имеем права…

— А я сказал, что иду, — я делаю шаг вперед, почти вплотную к нему. — Или вы хотите, чтобы я позвонил вашему начальству?

Он сжимает губы, понимая, что я сейчас не тот человек, с которым стоит спорить.

Но все равно пытается:

— Там опасно. Мы уже ищем. Но если вы пойдете сами…

— СЧЕТ НА МИНУТЫ! — рычу. — Она беременная!

Слово «беременная» вылетает так, будто ножом режет по воздуху.

И я, черт возьми, слышу, как меня самого это слово ломает изнутри.

Беременная.

Моя жена.

Моя девочка.

Я спущусь вниз, и она будет стоять на берегу.

Испуганная.

Промокшая.

Замерзшая.

Я заверну ее в куртку, прижму, накрою собой, заберу домой, буду держать за руки, пока она не перестанет плакать.

Буду умолять простить.

Буду молчать, если не простит.
Главное — чтобы жива.

Черт, главное — чтобы жива.

И ребенок…
Господи.

Если она его потеряет…
Мысль бьет так, что темнеет в глазах.

Она меня не простит.

И я сам себя не прощу.

Никогда.
Проходит два часа.

Два ебучих часа ада.
Я хожу вдоль кромки реки, по колено в мокрой траве, илу, в грязи, фонарь в руках дрожит, рука немеет от холода, но я не чувствую ничего.
С воды доносится глухое урчание мотора лодки спасателей.

Голоса, отрывки фраз, вспышки света.
Каждые несколько секунд я зову:
— НАТАША!!!
Эхо умирает в шуме реки, шелесте дождя и в дубраве густого леса.
Я не знаю, слышу ли что-то в ответ, или это просто мой мозг, сходящий с ума.
Дождь усиливается. Из мелкого в стену превращается.

Первые крупные капли стучат по капюшону куртки, по крупным валунам, по воде.
— Товарищ полковник, — подходит капитан. — Поступило оповещение. Возможно сход селя в верховьях.
Я оборачиваюсь медленно.
— И что?
— Мы обязаны подняться в безопасную зону. Это приказ.
— Нет, — отрезаю. — Ищем дальше.
— Товарищ полковник… — он смотрит на меня пристально, почти по-человечески. — Нам дана команда возвращаться. Всем. И вам тоже.
— От кого команда?!
— От Крапцова.
Я закрываю глаза.

Крапцов, сука, старый волк. Знает, что делает.

Но мне все равно.
— Млять, — выдыхаю и отхожу в сторону. — Вы можете идти. Я останусь.
— Нет, — раздается за спиной спокойный, уверенный голос.

Подходит старший группы, тот, кто отвечает за спас группу МЧС. Крепкий, широкоплечий мужчина, с которым не получится спорить эмоциями и давить авторитетом.

— Полковник, вы сейчас ничего не сделаете, — говорит он ровно. — Там, внизу, уже небезопасно. Если сойдет сель, нас всех накроет.

— Я буду искать! — голос срывается, как ржавая проволока. — Я НЕ УЙДУ!

Старший приближает лицо к моему.

Говорит тихо, но так, что каждое слово режет по коже:

— Что мы скажем вашей жене, если она объявится… а вы — нет?

Он делает паузу.

Я стою, не дыша, не мигая.

Это удар, в котором слишком много правды.

— Поиски продолжим, как только стихнет дождь, — добавляет он. — Подключим волонтеров. И вертушку.

Вертолет .Шанс. Свет.

Но не сейчас. Не ночью. Не под этим ливнем.

Я провожу ладонью по лицу, по влажной щетине, по глазам, которые жжет так, что кажется — там песок.

— В такую погоду мы ничего не увидим, как и вы. Пожалейте ребят, у них тоже семьи, и если они тут пропадут… — давит, сука, на больное!

— Ладно… — выдыхаю раздраженно и зло. — Ладно.

Слово дается с таким трудом, будто у меня вырывают кусок сердца.

Старший кивает своим людям.

Они начинают подниматься по склону. Я следом.

Машины включают фары. Возвращаемся. Спасатели пакуют оборудование, машину уже на эвакуаторе увезли.

А я остаюсь стоять на краю моста, смотря вниз, в темную, ревущую реку, куда ушла моя жена.

— Наташа… — шепчу.

Это уже не зов.

Это молитва.

И внутри меня поднимается волна ужаса, от которой невозможно спрятаться.

Ночью, под дождем, один на мосту, я понимаю:если я потеряю ее, то

я потеряю себя. Все потеряю. Жизнь…

И самое страшное – я сам довел нас до этого края.

Глава 7. Алексей.

— Алексей Сергеевич, вас довести? — кто-то хлопает меня по плечу.

Я дергаюсь, будто изнутри дернули за оголенный нерв, оборачиваюсь. Передо мной тот самый, кто командовал поисками внизу, у воды. Старший по спасотряду. Мокрый, усталый, но собранный.

— Вы не в состоянии вести авто, — говорит он без наезда, спокойно, как факт. — Давайте я вас довезу.

— Не надо, я сам, — отвечаю автоматически.

— Давайте я вас подожду, — настаивает он. — Убедимся, что вы доедете нормально.

В глазах у него то самое чувство, которое я за службу видел сотни раз.

Сочувствие.

Не жалость, нет.

Именно это тихое, мужское понимание: тебе сейчас так хреново, что ты сам не до конца осознаешь, насколько.

Я сам не раз так смотрел.

Когда приходилось ехать к женам своих ребят. Стоять на пороге и говорить: «Он не вернется». Потом… потом я даже привык. Как бы это ни звучало. Организм учится защищаться от чужой боли. А от собственной — нет.

Достаю сигарету, чиркаю зажигалкой. Только потом понимаю, что это уже какая по счету. Пятая? Десятая? Легкие горят, но мне плевать.

— Сколько ты служишь? — спрашиваю, затягиваясь.

— Три года, товарищ полковник, — отвечает он.

Кивает, спина прямая. Молодой еще. Взгляд живой.

— Молодец, — выдыхаю дым вместе со словом.

Сам удивляюсь, что это говорю. За три года он уже должен был стать черствее. Но глаза живые. Значит, еще не успело закаменеть внутри.

— Езжай к семье, капитан, — добавляю. — А я сам доберусь.

Он мнется, будто хочет еще что-то сказать, но только кивает.

— Мне еще нужно вам отдать вот это, — останавливает. — Пока вы были на поисках, сумку досмотрели.

Протягивает. Ярко-рыжая кожа, пропитавшаяся водой. Моя ладонь сама тянется вперед. Забираю.

Слова «спасибо» застревают в горле огромным сухим комом.

Ни один звук не выходит.

Я просто разворачиваюсь к реке, к этой черной, ревущей пасти, и стою какое-то время, сжимая в пальцах ремешок.

Если отпущу — упаду. Если отпущу — признаю.

— Езжай, капитан. Это приказ.

До дома добираюсь на автомате.Машина едет сама, я только держу руль.

Когда поднимаюсь на этаж и достаю ключи, мне страшно и хреново. Мне просто по-настоящему страшно.

Не там, на мосту. Не у воды. Здесь. У двери.

Потому что… это дом.

Тут она смеялась, ходила босиком по комнатам, ругалась на меня за то, что я пью не из стакана, а из бутылки, за то, что раскидываю по гардеробной свои вещи. Не ставлю ботинки на полку. Да куча всего!

Тут она ставила чайник, ругала Зевса за облизанную сковородку, расставляла по полкам баночки, статуэтки, свечи — свои любимые мелочи, и … ждала меня. Всегда меня ждала.

А сейчас…

Замок щелкает предательски громко.

— Зевс, и ты тут… — из кухни цокает лапами Наташина собака. Зевс — мой ротвейлер, но он всегда был ее. Он подходит, тычется мокрым носом в мою ладонь. Ищет ее. — Это я, а не Наташа, пес.

Хвост не виляет.

Он ждет другую. Так всегда было и… есть. Даже когда мы заходили в дом вдвоем, Зевсу нужна была Наташа.

Разуваюсь кое-как, ноги ватные.

Телефон. Сумка. Все, что у меня есть от моей жены в эту минуту, зажимаю в руке.

Иду на кухню. Зевс топает за мной, тяжело дышит, тычет носом в бок. Включаю свет. И тут вижу: меня ждали.

Блять.

Меня ждали дома.

На столе – две тарелки, сложенные салфетки, гранатовый сок. От кухни пахнет Наташей и той едой, которую она готовила для меня. Не для себя. Для меня.

И все это в тишине.

Я ставлю сумку на стол, кладу рядом ее телефон.

Зевс подходит к своей миске, смотрит, тычет носом. Пусто.

— Сейчас, — шепчу, открывая шкафчик.

Насыпаю ему корм. Он ест жадно, будто не ел вечность. Наташа всегда следит за его режимом, кормит по часам. Значит, она уехала быстро.

На эмоциях.

Ничего не доделала.

Телефон. Сумка. Ужин.

Я сажусь за стол, вытягиваю ноги, кладу перед собой ее телефон.

Смотрю на него, как на мину.

— Наташка… — тихо, почти шепотом. — Почему ты его забыла, а?

Она никогда его не забывает.

Особенно сейчас, когда беременна.

Клиника, пациенты, подруги, моя служба: все крутится вокруг этого чертового кирпича с экраном. Без него, как без рук все сейчас.

Если телефон остался, значит…

— Ты спешила, — произношу вслух.

Пятое, сука, чувство орет мне в ухо: она спешила туда, где был я.

В тот гребаный отель.

К той самой двери, за которой я был с другой женщиной.
Я не хочу в это верить.

Не хочу видеть эту цепочку логически.
Но пальцы сами тянутся.

Разблокировка по коду, который я знаю — дата нашей свадьбы. У меня он такой же. Мы никогда ничего друг от друга не прятали. Раньше.

Экран оживает.

Список звонков.

Мои. Мои пропущенные. Ее исходящие. Коллеги — метки «анестезия», «хирургия», «приемная». Аленка — ее подруга. Клиника, где она наблюдается. Пара незнакомых номеров. Ей часто звонят так пациенты. И один повторяющийся Даты смотрю. Последние две недели.

Вхожу в сообщения.

Лента диалогов.

Сверху — тот же неизвестный. Нет имени. Один голый номер. Открываю. И там — пять сообщений.

Первое.

Текст. Холодный, мерзкий, липкий.
«Знаешь, где твой муж?»
Я сжимаю зубы.
Второе.

«Хочешь увидеть?»
Третий.

Видео.
Четвертый.

«Отель "Лесная Ривьера". Номер 314. Возьмешь ключ у горничной».
Пятый.

«Приезжай, квочка. Убедись сама».

Меня накрывает волной такой силы, что я на секунду думаю, что сейчас просто блевану тут, на стол.

Видео еще не открыто, но я уже знаю, что там.

Я знаю этот номер отеля.

И я знаю, с кем я там был.
Пальцы сами нажимают на значок.
Экран будто издевается — пару секунд темноты, а потом…
Кремовая плитка.

Вода.

Женский смех.
Оля.

Ее лицо, влажное, довольное, блестящее. Ее голые плечи.

Ее голос:
— Леш, смотри, как красиво.
Телефон в ее руке дрожит от движения.

Камера чуть смещается, захватывает меня.
Мое лицо.

Мое тело.

Мои руки, лежащие у нее на плечах.
Я смотрю на себя со стороны.
И мне хочется дать этому типу по морде. Очень сильно, по ебалу. Несколько раз. Разбить его морду в кровь.
Он сидит в ванне за ней.

Тянет ее к себе, целует плечо. А эти губы должны были целовать свою жену… ее животик.

— Оль, зачем тебе это? — слышу свой голос. — Перестань дурью маяться.
Я помню этот момент.

Я тогда действительно думал, что это просто ее блажь.

«Видео для себя», «память», «нам потом будет что посмотреть».
Я даже не подумал, что эти кадры увидит Наташа.
Что она будет… беременная, уставшая, ожидающая меня… смотреть, как ее муж лапает другую бабу в ванной.
Приговор.
Грудь сжимает так, что я ловлю ртом воздух.
Видео обрывается. Экран гаснет.
Я смотрю на собственное отражение в темном черном стекле: бледное лицо, глаза, в которых слишком много дерьма и лжи.
Лешка Чернов. Полковник. Офицер. Козел. Мудак. Подонок.
Это все про одного и того же человека.
Про меня.
Я шепчу это. Не просто думаю, а говорю вслух, кусая губы до крови. Я Полковник Чернов. Властный и влиятельный. Я командую людьми. Я отвечаю за сотни жизней. Я принимаю решения, от которых зависит исход операции.
А тут? Я не смог контролировать собственный хрен. Не смог контролировать свое эго. Скучно стало, драйва захотелось, а что, всем же можно, чем я хуже?
Жена дома подождет, никуда не денется. И не узнает. А вышло вот…
Наташа…

Татка… она “служила” со мной. Скиталась со мной по гарнизонам. Терпела мой характер. Терпела мое отсутствие. Пятнадцать лет. Я думал, что она моя каменная нерушимая стена. Что никуда не денется. Что любовь — это привычка и уважение.

Я ее люблю. Люблю сильно. Но забыл, что любовь — это еще и труд.

А Оля? Она просто льстила. Восхищалась моей властью. Ванна, шампанское, блядливость в глазах. Дешевый Допинг для моего изношенного мужского эго.

Я вспоминаю последний разговор с женой. *«У меня для тебя сюрприз»*. Ее голос был полон надежды. А я отмахнулся. *«Отложи свой сюрприз. Расскажешь завтра»*.

Завтра. Завтра утонуло в черной воде.

Я поднимаю ее телефон. Трясущимися руками открываю галерею.

Я ищу… еще раз хочу проштудировать телефон. И натыкаюсь на короткий, свежий ролик. Там сегодняшняя дата. Открываю.

Вижу Таткино взволнованное лицо, потом живот, слышу частый стук сердца. Понимаю, что она на УЗИ. На прошлое я с ней ходил. Потом черно-белый экран монитора аппарата. Шуршание и монотонный стук. Смазанные кадры - ручки, ножки, голова. И тут фокус. Малыш отворачивается. А потом резко двигается. И показывает…

Я вижу его. Четко. Девочка. Моя дочь.

А потом кадр с лицом Татки и ее:

— Леша, у тебя будет дочка. Папа, ты меня ждешь?”

Я вдавливаю телефон в ладонь. Я хочу кричать, но из горла вырывается только звериный хрип.

Глава 8. Алексей.

Мне становится душно и хреново. Оттягиваю воротник. Давит.

Грудная клетка будто стянута ржавым металлическим обручем, который с каждым вдохом только крепче.

Зевс виновато смотрит снизу вверх, жмется к ножке стола, будто сам не понимает, где хозяйка и почему в доме стоит такой ледяной, страшный вакуум.

— Пойдем… — шепчу ему срывающемся голосом. — Пойдем, братец.

Он бежит рядом. Даже шаги тише, чем обычно. Я иду по коридору и каждый шаг отдается внутри, будто ступаю по раскаленным углям.

Вхожу в спальню. Становится еще хуже. Хотел убежать? Три ха тебе, блять. Тут всё принадлежит Наташе.

Атмосфера, порядок, даже воздух. Ее плед. Ее подушка, на которой утром остается ямка от щеки. Ее халат на стуле. Ее книга, раскрытая на середине так, как только она умеет, закладка из салфетки, сложенной треугольником.

Запах… Он убивает. Ее запах висит в воздухе, как теплое, нежное облако и врезается в меня такой острой болью, что сердце разрывается. А раньше я его не замечал…

Пальцы не слушаются совсем, словно чужие. Деревянные, а не мои.

Я пытаюсь стянуть с себя мокрую футболку, она липнет к коже, будто приросла к ней. Пальцы соскальзывают, цепляются за ткань, дрожат.

Потом вторую попытку делаю, такую же бесполезную.

Становится ясно: я ледяной. От плеч до ступней. Все мышцы застыли, руки онемевшие, зубы стучат.

Но мне плевать. Вообще. Даже мысли мелькнуть не успевает:

«Надо согреться».

«Надо переодеться».

«Надо вытереться, греться, включить душ».

Нет. Похую.

Потому что сейчас где-то там… в темноте, в ледяной воде, в лесу, в этой чертовой пропасти — Наташа.

Моя жена. Беременная. Испуганная. Одна.

И мысль об этом пробивает мне грудь, как железный прут.

«Мне холодно?»

Да пропади оно все пропадом.

Рывком стягиваю с себя эту чертову одежду. Все падает на пол. А Наташа бы меня за это отчитала, но потом, сам бы все собрала и унесла в стирку.

Я чувствую себя так, будто стоял под дождем часами, под ледяным душем, но внутри — пожар. Жгучий и разъедающий.

Я виноват по всем статьям.

Иду в гардеробную. Включаю свет. Тут все как всегда: ровные, аккуратные стопки вещей. Все разложено привычно: мои футболки, домашние штаны, носки, толстовки, рубашки…

Только вот…Я стою и смотрю, и понимаю, что что-то… не так.

Наташа всегда готовила вещи заранее. Клала мне домашнюю одежду на стул. Сама.

«Снимай форму давай, она вся порохом пропахла, Лешка».

Скашиваю взгляд, а сейчас стул пуст.

Сжимает изнутри так, что я хватаюсь за край полки, чтобы не осесть на пол.

Протягиваю руку за привычной серой футболкой и тут взгляд цепляется за маленькую коробочку сбоку, между полотенцами. Маленькая совсем. Белая. С золотистым уголком.

И я сразу понимаю, что не видел ее ранее.

Руки сами тянутся к ней. Беру ее - легкая. Небольшая совсем, с мои ладони. Открываю.

И меня пробивает током.

Внутри аккуратно сложенные детские вещи. Крошечные совсем, как игрушечные. Вот как в детстве девчонки куклам шьют…

Бежевые пинетки. Мягкие. Теплые.С крохотными завязками. Белая соска в прозрачном футляре с чуднЫм ежиком на крышке. Расчесочка махонькая, как игрушечная. Подвеска для соски — с бусинками цвета слоновой кости. И… крохотные велюровые штанишки.

Дыхание сбивается. Все нейтрального цвета… видимо покупала, когда еще не знала пол малыша. А я и не знал, что она уже покупает вещички…

— Нет… — хриплю. — Нет, нет…

Меня выворачивает. Не физически, душе больно.

Тата готовилась, выбирала, разворачивала их дома, перебирала пальцами, гладила, улыбалась… Готовилась стать мамой. Для нашей девочки.

А я?

Падаю на колени прямо на холодный пол гардеробной.

Коробочка выпадает из рук, вещицы вываливаются.

И меня накрывает так, как не накрывало никогда в жизни.

Я ору. Не голосом — нутром. Хрипло, зверино, раздираю горло изнутри. Скулю, как раненый волк, которого не добили.

— Тварь… мразь… что ты наделал…

Голос срывается в шепот, который даже мне непонятен.

Слова тонут в рваных хрипах, я не помню, когда последний раз плакал.

Когда мать умерла? Когда меня ранило? Когда хоронил друга?

Но так… Так я не ломался никогда.

— Наташа… — шепчу. — Прости…

Пытаюсь собрать вещи обратно — пальцы не слушаются.

Коробочка дрожит в руках.

— Прости меня… Господи, только бы она… только бы она…

Но договорить не могу.

Потому что страшно даже подумать.

Я поднимаюсь, как старик, как инвалид, хватаюсь за стену, дохожу до кровати.

Валюсь на нее всем телом, лицом в подушку. Тут тоже пахнет Наташей. Так сильно, что меня выворачивает. Я задыхаюсь в этом запахе.

Хватаюсь пальцами за край покрывала, сжимаю, тяну, рычу.

Зевс подскакивает, с испугом смотрит, потом прыгает на кровать, хотя никогда не делал этого без разрешения.

Он прижимается к моему боку, тычет носом в плечо, скулит.

Он тоже ищет хозяйку. И самое страшное – я чувствую, что он понимает:

что-то случилось.

Её нет .И дом пустой. Я притягиваю его к себе. Обнимаю. Пальцы тонут в шерсти, теплеет под ладонями. А самому холодно так, будто меня в морозилке заперли. Пытки похлеще чем…

На кровати лежит Таткина сумка. Я ж ее с собой с кухни приволок.

Я тянусь к ней так, будто это последний предмет, связывающий меня с реальностью.

Пальцы дрожат, но всё-таки подхватывают ремешок. Перетягиваю сумку ближе, ставлю на колени и расстегиваю молнию. Внутри привычный женский хаос, который я раньше считал милой бессмыслицей.

Теперь каждая мелочь врезается в грудь ножом.

Кошелек.

Ее любимый, с золотистой молнией, который я подарил на годовщину.

Помада — та самая, которой она красилась по утрам, стоя перед зеркалом, а я всегда подходил сзади, целовал в плечо…

Пудра.

Расческа.

Несколько чеков, смятых квитков, обрывки бумажек, которыми она разбрасывается, думая, что потом разберет.

И под всем этим — плотный, чуть помятый прозрачный файл.

Я беру его двумя руками, потому что слишком боюсь порвать. Слишком боюсь увидеть то, что внутри. Хотя — что может быть страшнее того, что уже случилось?

Файл хрустит. Разворачиваю. Бумаги влажные по краям — вода попала внутрь. И сразу узнаю — УЗИ. Формат знаком, как у любого мужа, которому жена показывает результаты, сияя глазами.

Срок. Параметры. Окружность головы, длина бедра, сердцебиение — всё как всегда.

И потом…

Графа.

Обычная, простая строка, которую врач печатает без эмоций.

Пол: женский.

Голова наклоняется сама, будто меня ударили. Грудь разрывает изнутри. Не воздух вдыхаю, а стекло.

И я не был рядом. Не услышал. Не увидел. Не принял. Не обнял.

Не поцеловал ее в висок, как всегда. Не сказал: «Моя девочка. Моя маленькая».

Я долбаный придурок, мудак, эгоистичный кобель.

Я предал их обеих — жену и дочь — еще до того, как она появилась на свет.

Голова опускается. Лоб касается бумаги. Я вою. Так, что Зевс прижимается ко мне сильнее и начинает облизывать пальцы, пока я пытаюсь собрать себя с края пропасти.

— Девочка… — шепчу. — У нас будет девочка…

Сжимаю бумагу так, что она мнется в кулаке.

— Наташа… Татка… Господи…

Слёзы текут по лицу сами собой. Я их даже не стыжусь. Мне нечего стыдиться — поздно.

Я обнимаю Зевса за шею. Прижимаюсь лбом к его морде. Он поскуливает, жмется.

— Завтра… братец… — выдавливаю. — Завтра мы ее найдем.

Он моргает. Дышит быстро, беспокойно. Глядит в сторону двери, будто ждет, что она зайдет.

— Наташу найдем. Нашу… маму твою… — голос ломается. — Нашу девочку домой привезем…

Слова сливаются в кашу. Я не понимаю, что говорю.И только одно знаю точно: я виноват.

И если завтра мне дадут шанс исправить хоть на грамм, то что я натворил … Я снесу весь этот мир ради того, чтобы найти ее.

И чтобы она дышала.И чтобы жила. И чтобы простила…

Как только на улице станет светло, я пойду искать ее. Потому что без нее этот дом – могила. А я тот, кто ее выкопал своими руками.

Глава 9. Алексей.

— Да, подтвердите. Продолжаем поиски. Пока не найдём — никто не уходит. Если «вертушка» не сможет работать дальше — работаем только по земле.

Я слышу, как хрипит мой собственный голос, но это уже не имеет значения. Команды передаются чётко, рации держат сеть. Это вопрос дисциплины. Это вопрос моего долга. Я обязан найти свою жену.

Спасатели идут вдоль реки. Мои ребята, я их вызвал тоже, — по лесу и старым просекам. Погода чуть улучшилась с рассветом, но густой туман всё ещё цепляется за мокрые склоны и верхушки высоких деревьев. Вертушка работает чисто по наитию и по моей личной просьбе, так бы хрен поднялись бы. Поисковые цепи растянуты максимально эффективно. Я знаю, что делаю.

Уже середина дня. Весемь часов на ногах, а мы всё ещё на нуле. Ни единой зацепки!

Меня начинает трясти. Не просто от влажности, которая пропитала одежду, а от внутренней дрожи, от напряжения, которое ищет выход. В руках неприятная, ноющая слабость. Голова пульсирует. Похоже, организм начинает сдавать, цепляя какой-то вирус. Но это сейчас ничто. Это мелочь, не стоящая внимания. Если понадобится, я и в ползучем состоянии останусь в этом лесу, пока мы не найдём Наташу.

Я стою на единственной точке, с которой могу держать всю координацию. Подо мной — командный пункт: пара машин, карты, спутниковый телефон. Я нужен здесь, а не там, внизу, где связь почти нулевая. Руководитель без связи — это ноль. Я это знаю лучше, чем кто-либо.

— Алексей Сергеевич, — подходит старший по поиску, — квадраты один по десятый. Результата нет. Идем дальше. С квадрата одиннадцать по двадцатый.

Он держится ровно, говорит по-уставному. Но его глаза опущены. Он понимает, кого мы ищем, и почему мне нельзя терять ни секунды. Я киваю. Привычка. Полковник обязан сохранять хладнокровие, даже если внутри всё плавится.

Я руководил десятками таких операций. Знал каждый шаг: как растягивать цепь, как держать частоту, как организовывать поиск в воде, как работать на склонах и в болотистой местности. В лесах пропадали дети, в горах заваливало туристов, в реках тонули машины. Мы находили всех. Там где я служил военные были неотъемлемой частью в механизме помощи.

Но это всё ничто по сравнению с тем, что происходит сейчас.

Тогда я был командиром. Обезличенным, сосредоточенным. В этот раз пропала не просто женщина. Пропала моя жена.

И вина лежит только на мне.

Я чувствую её тяжёлый, вязкий вес. Я не должен был ей лгать и оставаться в отеле на ночь. Не должен вестись на другую женщину, да много что не должен. Только время назад не отмотать.

А теперь я стою здесь, на проклятом холме, и жду, пока другие люди найдут то, что я сам потерял. Это самое горькое – чувствовать себя беспомощным и не всемогущим. Если бы я мог отмотать время назад! Рация в руке оживает. Я почти не дышу. Скрежет, помехи, и вдруг — чистый, сухой голос пилота с воздуха:

— Приём. В квадрате двенадцать обнаружен яркий предмет. Локацию отправляю. Подтвердите получение.

Пальцы непроизвольно сжимаются, до боли. Я почти физически ощущаю, как что-то внутри меня становится тугим, тяжёлым. Это не надежда. Это страх, который вдруг приобрёл очертания.

— Принял, — отвечаю, голос срывается только на полутоне. — Работаем. Немедленно.

Мы сразу садимся в машину. Я не за рулём, мне нужно смотреть в оба по сторонам и искать…. Никто лишних вопросов не задаёт. Все понимают: если есть предмет обнаружения — нужно двигаться быстро.

Телефон снова вибрирует в кармане. Звонят с работы. Или, что хуже, те, кто хочет на этом нажиться. Я даже не достаю его. Всё подождёт. Работа подождёт. Разговоры подождут.

Есть один человек, которому я позвоню позже. И этот разговор будет личным. Очень личным. И он будет жёстким, без намёка на сантименты. Сведение счётов. Но это потом.

Сейчас всё второстепенно. Впервые за многие годы моей жизни и службы мне похуй на все и всех вокруг.

Я сам вызвал Центр медицины катастроф. Без согласований, без бюрократии. Понимаю, что за это потом прилетит служебное взыскание, что меня вызовут на ковёр. Мне плевать. Я хочу, чтобы медики были рядом в ту секунду, когда мы её найдём. На случай, если она... если её состояние тяжёлое. Каждая секунда на счету.

— Вижу ориентир! Группы, внимание, подходим к квадрату двенадцать! — раздаётся в наушнике.

Я смотрю в сторону обозначенного сектора.

Всё сливается в серую, грязную массу: камни, мокрая трава, кусты. Никаких ярких пятен. Где этот проклятый блик?

Машина скачет на корнях, прыгает через колеи. Я держусь за поручень пикапа мертвой хваткой. Задние колёса скользят.

Ребята всматриваются по сторонам.

— Справа мелькает что-то яркое!

— Не похоже на природное, командир!

— Похоже на ткань. Цвет... красный или оранжевый!

Я всё слышу, но будто сквозь толщу воды. Внутри нарастает глухое, тяжёлое напряжение.

Только одна мысль держится в голове, как приказ:

Лишь бы это была её вещь. Куртка, платок, что угодно. Не тело. Вещь. Это значит, что она была здесь. Это значит, что у нас есть направление, есть продолжение пути. Есть, за что зацепиться.

Мы подлетаем к месту. Я вижу контуры людей из соседней машины. Вижу, как они останавливаются рядом с нами.

Пикап резко тормозит. Я открываю дверь и вылетаю из кабины, не дожидаясь полной остановки.

Спрыгиваю на землю, бегу вниз по крутому, мокрому склону. Под ногами скользко, ветки царапают лицо, камни летят из-под ботинок. Я этого не чувствую. Боль игнорируется.

Я должен добраться первым.

Передо мной несколько спасателей уже стоят полукругом. Они смотрят вниз, на землю. Молча.

И среди серого, грязного пейзажа действительно виднеется яркое, инородное пятно.

Я подхожу, и колени сами подгибаются от напряжения. Отталкиваю спасателя плечом, падаю на колени. Тяну руку к находке.

Ни один звук вокруг, ни шелест леса, ни крики, ни рация — ничто не имеет значения.

Есть только этот один момент.

Который сейчас, в эту секунду, решит всё: даст мне надежду или заберёт всё, что осталось.

Глава 10. Алексей.

Это просто плащ.

Рваный, мокрый, забившийся в куст у самого берега. Таткин.

Я подхожу ближе, приседаю, беру его в руки. Тяжёлый от воды, грязи, песка. Весь драный, будто его в мясорубке прокрутили А ее самой нет.

Ком встает в горле так, что говорить трудно, но я все равно ору:

— Наташа!!! На-та-ша!..

Голос срывается.

Эхо уходит в лес, разбивается о скалы, теряется в шуме воды.

Я замолкаю. Слушаю.

Ничего.

Снова:

— ТАТА!!!

Шум реки, шорох ветра и вновь усиливающегося дождя. Ни одного человеческого звука.

— Стоять! — рявкаю в сторону поисковой группы, когда вижу, как двое ребят машинально делают шаг к речке. — Стоять, я сказал! Можем затоптать её следы. Никуда не двигаться, пока не скажу! Я сам!

Меня слышат, останавливаются, ждут команд.

— Собаки где? — голос хриплый, чужой. — Где, блять, собаки?..

— Их не брали, товарищ полковник, — отвечает один из спасателей. — Сырые камни, течение, запах смоет через десять метров. Они здесь след потеряют сразу.

— Сука… — выдыхаю. — Проклятая погода.

Река здесь бурлит, кипит. Порог, вода закручивает в воронки всё, что попадает в эту адову ловушку.

Если она упала сюда…

Я задираю голову, вглядываюсь вдоль русла. И вдруг вижу дальше по течению ещё одно яркое пятно. Что-то застряло в ветвях дерева, которое давно подмыло водой и завалило набок.

— Там что? — показываю.

— Похоже тоже на вещь, — отвечает один из ребят, щурясь. — Ткань какая-то.

Я не жду уточнений.

— Ждите здесь, — бросаю. — Я сам.

«Если она здесь… если зацепилась за корягу…»

— Тата, я иду… — шепчу, даже не замечая.

Я срываюсь дальше. Яркое пятно красно-желтого шелка. Платок. Ее. Он бьется о ветку упавшего дерева, как крыло раненой птицы.

Я прыгаю в воду. Ледяное течение хватает меня, тянет в мутную глубину. Течение пиздец какое! Я чувствую, как холод проникает сквозь одежду, сжимает сердце. Вода бьет по бедрам, сносит с ног. Я цепляюсь за корни и валуны.

Вода гремит в ушах, брызги летят в лицо, глаза режет. Под ногами скользят камни, несколько раз едва не ухожу с головой. Но мне плевать.

«Только бы она была здесь. Только бы жива. Пусть без сознания. Она просто не может позвать. Лишь бы нашёл».

Добираюсь до дерева.

Кора ободрана, ветки торчат, как кости обглоданные. На одной из них висит платок. Её платок. Срываю его с ветки.

Оглядываюсь вокруг, всматриваюсь в каждый закуток зову ее еще и еще. — Нет… — выдавливаю я, и голос почти не слышен из-за шума. — Нет, нет…

— ТАТА!!! Где ты? Откликнись, слышишь?!..

Голос рвётся, осипает, но я продолжаю звать, пока в груди не появляется острая боль от нехватки воздуха.

Кто-то сзади цепляет меня за плечо.

— Товарищ полковник, нельзя дальше! — тянут сильнее. — Там глубже и квалуны, вас может унести!

— Руки убрал! — рычу, выдираясь. — Пока я сам не скажу, что нельзя!

Но течение делает своё.

Нога срывается с камня, меня ведёт, тело уходит в сторону, и только хватка двух мужиков с берега не даёт мне уйти вниз по реке. Меня вытаскивают на сушу, буквально волоком.

Платок в руках, не выпускаю его, сжимаю его так, будто он может привести меня к Наташе.

— Вам нужно переодеться, — говорит один из бойцов, тяжело дыша. — У нас в машине сухой комплект…

— Нахуй иди, — не смотрю на него.

— Товарищ полковник, — вмешивается старший. — В машине есть сухие вещи и горячий чай. У вас губы синие. Вы так до вечера не дотянете…

— Да иди ты на хер со своими вещами, — отрезаю. — Вниз по течению идём. Дальше. Пока светло. Команды мои слышали?

Старший смотрит так, будто хочет что-то сказать, но только кивает и отдаёт распоряжения.

Цепь выстраивается вдоль берега. Мы двигаемся дальше.

Время теряет форму.

Серое небо, дождь. Вода под боком, шум реки, крики «осторожно», «камень», «яма».

Я иду, уже не чувствуя ног. Лёгкие жгёт, в голове звенит, но мне всё равно.

Каждый куст кажется возможным укрытием.

Каждый корень – местом, где она могла зацепиться.

Каждая тень – надеждой.

Рация несколько раз трещит:

— Группе номер два подняться в точку сбора.

— Третья – тоже. Поступил приказ возвращаться, усиливается дождь.

Я жму кнопку:

— Продолжаем поиски. Пока не стемнеет. Всем оставаться на месте и двигаться дальше. Команду подтверждаю.

— Товарищ полковник, — слышу голос капитана из штаба. — Вам передали: «Вернуться к базе». Опасность схода селя.

— Передайте, — отвечаю ровно, — что поиски продолжаются. Уезжать не буду. Все остальные могут вернуться. Я останусь.

Эмоции уже даже не кипят. Они как будто застывшая лава — внутри горячо, но снаружи камень.

Я продрог до костей, в висках грохает, зубы стучат, но мне плевать.

Наташа где-то здесь. В этой чертовой дикой зоне. Здесь куча хищников, возможно даже медведь может выйти.

Она беременна.

Она одна.

А меня рядом нет.

— За что… — говорю вполголоса, не разбирая, слышит ли кто-то. — За что так, сука, судьба?..

Сжатый кулак бьёт по стволу дерева. Кора трескается, кожа на костяшках тоже, но боли я не чувствую.

— Помилуй её… — шепчу уже небу, чертовой реке, кому угодно. — Меня накажи, понял? Меня. Хочешь — забери к чертям, хочешь — сделай инвалидом, но её оставь. Её и ребёнка.

Шаг, второй, третий…

Свет постепенно гаснет, лес темнеет, фонари выхватывают из мрака обрывки земли, ветки, камни.

Кто-то из ребят подходит ближе:

— Товарищ полковник, пора возвращаться. Мы уже плохо видим. В темноте искать смысла нет.

— Уезжайте, — отрезаю. — Я буду искать сам.

Он не двигается.

— Приказ.

Я останавливаюсь, поворачиваюсь к нему лицом:

— Я здесь старший. Пока я не дал команду — никто никуда не уезжает. Все ясно?

Он не отвечает. Только упрямо смотрит.

Из темноты подходят еще двое. Я вижу по их лицам: решение уже принято не мной.

— Товарищ полковник, — спокойно говорит старший по спасотряду. — Вы неадекватны. Это не оскорбление, это факт. Мы не можем оставить вас одного в зоне возможного схода селя. Нам пришёл прямой приказ вывести вас.

— Да отпустите вы меня, блять! — рвусь, когда двое берут под руки. — Я приказываю! Всем в штаб, меня оставить тут! Я буду искать жену!

Меня держат крепко, фиксируют так, что не вывернуться

Третий забирает у меня из рук фонарь и платок, аккуратно сворачивает.

— Всё потом, товарищ полковник, — говорит он. — Сейчас мы вывозим вас. Так надо.

— Сука, — цежу сквозь зубы. — Всех по результатам разнесу. Погоны сниму. За самоуправство…

Они молчат.

Ни один не отвечает.
Меня доводят до пикапа и практически заталкивают внутрь. Закрывают дверь.

Снаружи кто-то коротко отдаёт команду, мотор ревёт, машина трогается.

Глава 11. Алексей.

Пикап останавливается у моего дома. Ребята не глушат мотор, ждут. Они просто выполняют приказ, и я это понимаю. Но сейчас я их ненавижу.

— Я сам, — бросаю, даже не глядя на них.

Открываю дверь. Вываливаюсь на асфальт.

Ноги подкашиваются. Попытка идти прямо проваливается — тело не слушается, оно продрогло до костей, руки трясутся не от холода, а от нервного истощения. Я как будто заново учусь двигаться. Шаг, второй. Каменная плитка кажется мягкой, как зыбучий песок. Спина ноет, голова звенит.

Поднимаюсь по лестнице медленно, цепляясь за перила, как старик. Рюкзак с сухими вещами (так и не надетыми) оттягивает плечо.

Дохожу до своей двери. Внутри — тишина, которая давит хуже, чем рёв реки. Здесь, в тишине, я остаюсь один на один с виной.

Стою перед дверью, не решаясь повернуть ключ. Кажется, если я её открою, то увижу Наташу. Увижу, как она сидит на кухне, пьёт чай, смотрит на меня с упрёком, а я смогу всё объяснить. Объяснить свою ложь.

Изнутри доносится тихий, прерывистый скулёж. Собачий лай или вой — это эмоция, это реакция. А этот скулёж... Он звучит как плач.

Зевс.

Он голодный. Он хочет на улицу. Он не понимает, почему его не выводили уже почти сутки.

— Ну что, братка... дождался? — говорю в пустоту. Голос всё ещё хриплый.

Рывок. Открываю дверь. Зевс бросается на меня, обнюхивает мокрые штаны, радостно повизгивает. А потом вдруг останавливается, принюхивается ещё раз, и визг стихает. Он понимает.

Это не Тата. Не его хозяйка.

Я приседаю, чтобы не упасть, глажу его по голове, чувствую под пальцами жёсткую, густую шерсть.

Быстро переодеваюсь в сухое.

— Пошли, мой хороший. Пошли, — шепчу я псу.

Выхожу на улицу. Зевс тянет вперёд, вдыхая вечернюю сырость. Он бежит, а я волочусь следом.

Всё, что я делаю сейчас, я делаю вместо неё. Кормлю вместо неё. Гуляю вместо неё.

В голове всплывает картинка.

Когда мы последний раз гуляли с собакой вместе? Не помню…

В то наше крайнее утро, когда я уезжал, Наташа шла, смеялась, светлые волосы развевались. И говорила по телефону, пока Зевс тащил поводок. А я сидел в машине, проверял какие-то бумаги. Потому что боялся упустить важный отчет.

Служба, служба. Постоянные командировки, совещания, ночёвки в штабах. Я всегда находил оправдания, чтобы не… да куча этих НЕ!

«У меня доклад», «Слишком поздно», «Я устал, Наташ, иди сама».

И вот я иду сейчас. Уставший, продрогший, с единственным живым существом, которое она оставила.

Мы сворачиваем в парк. Я делаю глубокий, дрожащий вдох. Дождь почти закончился. Я чувствую запах мокрой хвои.

— Найдём тебя, Тата, — говорю я тихо, Зевсу или себе. — Я тебя найду. Слышишь?

Собака вдруг останавливается, поворачивает морду, смотрит мне прямо в глаза, и издаёт низкий, тоскливый вой.

Возвращаемся. Собака, хоть и набегалась, всё равно смотрит на дверь, ждёт.

— Пошли, накормлю тебя, — накладываю ему корм. Хруст сухих гранул кажется невыносимо громким в этой тишине.

Именно здесь меня накрывает.

Я не могу дышать. Я стою посреди кухни и вдруг понимаю: этот дом — не мой. Здесь Наташа выбирала шторы, она расставляла эти вазы, она покупала этот дурацкий кофейный сервиз, который я всегда ненавидел. Каждый сантиметр, каждая чёртова деталь пропитана её присутствием. Её духи, её книги, её жизнь. Мои здесь только гантели в углу и куча армейских ботинок в шкафу прихожей.

Я не могу здесь оставаться.

Чувство беспомощности скручивает внутренности, и я должен его перенаправить.

Хватаю ключи от машины и дома. Телефон. Всё, что нужно.

Я вылетаю, даже не закрыв дверь до конца, будто за мной гонится смерть.

Я знаю, к кому я должен ехать. Я знаю, кто дал последний, решающий толчок. Оля.

Глава 12. Алексей.

Дорога до её квартиры занимает двадцать минут, которые кажутся вечностью. Всю дорогу я пытаюсь сформулировать в себе слова, которые хочу ей сказать. Но… нужно успеть их произнести прежде чемя сожму свои пальцы на ее горле. Внутри меня — не просто злость. Это ярость, рождённая из страха и вины.

Я врываюсь в подъезд. Бью кулаком по звонку.

Дверь открывается. На пороге – Оля. Домашняя, расслабленная, в каком-то светлом халате. От неё пахнет ванилью и спокойствием. Её чистое, невинное лицо н а котором расплывается легкая улыбка, и это выводит меня из себя окончательно.

— Лёша? Привет. Я... я тебя не ждала, — говорит она тихо.

Её голос – это последняя капля.

Я не говорю ни слова. Молча захожу. Не разуваюсь. Грязные, мокрые ботинки оставляют на её чистом светлом ковре следы грязи и глины. Мне плевать. Пусть видит, где я был.

Она отшатывается, но я уже в центре комнаты. Вжимаю ее в стену взглядом.

— Зачем ты писала моей жене? — говорю я. Слово 'писала' вылетает по слогам, отчеканенное.

Оля отводит глаза. Смотрит куда угодно: на пол, на люстру, на свои руки. Только не на меня.

— Лёш, я не понимаю...

— Сука, не притворяйся! — мой голос срывается до рыка. Я делаю шаг вперёд. Она вжимается в стену. — Я ещё раз задам тебе вопрос. Зачем ты писала моей жене? Зачем ты отослала ей это чёртово видео?

Тишина. Только моё тяжёлое, хрипящее дыхание.

— Отвечай, я сказал! Какое право ты имела? Ты что, непонятливая такая? Разве я дал тебе на это право? Я тебе что-то обещал?!

Я подхожу вплотную. Вдыхаю её ванильный запах непроизвольно, но сейчас он мне смердит. Тошно до блевоты.

— Ты, блядь, охуела? Ты понимаешь, что ты наделала?

Я хватаю её за руку крепко, чтоб вырваться не могла, фиксирую. Мои пальцы сжимаются до боли, я это понимаю, но… мне глубоко насрать. Моей Наташе в сотни раз больнее.

— Наташа пропала! Ты понимаешь, что её нет, потому что ты ей это прислала?!

Её глаза расширяются, но я не вижу слёз. Я вижу только панику. И в этой панике — признание.

— Что ты… что ты знаешь? — она едва слышно шепчет.

— Я знаю, что ты тварь! — рычу я. — Я знаю, что из-за твоей ревности моя жена сейчас там, в холоде, дона, беременная, и мы не можем её найти! Какого хрена ты вообще появилась на моем пути?! Кто тебя подослал?

Я отпускаю её руку так же резко, как взял. Она падает, прикрывая лицо.

— Это ты её бросил... — выдавливает Оля.

Я наклоняюсь к ней, и весь мой гнев, весь страх, вся моя боль собираются в одном ударе.

— Это я, сука, виноват, да! Но она не при чем! Ты это понимаешь своим куриным мозгом?! Имена мне давай тех, кто тебя на это надоумил!

— Никто! – пищит. — Отпусти, мне больно, у меня будут следы!

Конечно же следы. Ведь пока ее жених в командировке звание зарабатывает, его невеста гуляет. А ему скоро возвращаться…

— Имена давай… — повторяю, и в этот момент тишина в её квартире становится раздражающей.

Оля дышит рывками, губы дрожат, но она по-прежнему молчит.

Упрямая. Испуганная. И всё ещё надеющаяся выкрутиться.

Я уже открываю рот, чтобы повторить, но в этот момент в моём кармане резко вибрирует телефон.

Звонок. Номер — служебный. Штаб поисков.

— Чернов! — рявкаю в трубку, отталкивая Олю от себя.

— Товарищ полковник, нашли… кого-то. Недалеко от места аварии. В деревне, на удалении примерно пяти километров от реки

Мир замирает. Воздуха не хватает.

— Кого? — выдыхаю так, будто мне в грудь ударили.

— Женщину. Без документов. Переохлаждённую. Местные приняли её за заблудившуюся. Сейчас её осматривает фельдшер. Мы не уверены, что это ваша…

— Адрес! — перебиваю я. — Быстро!

Диктуют.

Я уже иду к двери.

Оля остаётся на полу, прижавшись к стене. Бледная. Глаза, наполненные страхом.

Она лепечет:

— Леша… Леша, подожди… что происходит? Куда ты?..

Я останавливаюсь только чтобы посмотреть на неё сверху вниз.

— Ты молись, чтобы это была моя Тата, — произношу ровно, тихо, так, что ей становится по-настоящему одорно. — Потому что если она сильно пострадала… ты будешь просить Бога забрать твою жизнь до того, как доберусь я.

Она открывает рот – оправдания, слезы, жалость к себе, но я не даю ей ни секунды.

— И вот ещё, Оля, запомни, — говорю, наклоняясь к ней так близко, что она прижимается к стене ещё сильнее. — Завтра утром твой рапорт о переводе должно лежать у меня секретаря. Иначе… я тебя сгною. Вымету тебя из системы так, что ты годами будешь вспоминать все как страшный сон.

Глава 13. Алексей.

Всё внутри меня обрушивается. Снова. Резкий, оглушающий провал.

— Не она! — я рычу, и звук отражается от низкого потолка.

Я не смотрю на присутствующих, я смотрю в стену. Куда угодно, лишь бы не видеть лицо этой женщины, которая выжила, а моя жена….

— Чёрт, блять! — Срочно выхожу на улицу. Хватаю рацию.

— Прочесать все окрестные деревни! Проверить каждого местного, каждого дачника. Проверить «потеряшек»! Может быть, кто-то прибился, может быть, кого-то нашли грибники или охотники! Обо всех изменениях немедленно мне сообщать! .

Я сажусь в машину. Мне нужно туда, к этой чёртовой реке, душегубной воде.

Брожу по мокрой траве. Глаза вдаль всматриваются. Я проверяю всё раз за разом. Квадрат за квадратом прочёсываю сам. Плевать на температуру, плевать на усталость, плевать на головную боль. Я не могу остановиться.

Служебный поиск — это одно. Он ограничен рамками, квадратами, временем. Мой поиск — бесконечен.

Я ищу зацепку. Ищу след, который пропустили, но ничего не нахожу.

Я смотрю на воду. Она течёт, бурлит, не отдаёт.

— Наташа… — шепчу я.

Почему я не приехал? Почему я не сказал, как сильно люблю? Эти вопросы, как цепи, которыми я прикован к этому берегу. Я заслуживаю этого наказания, но не она. Не она и не наш ребёнок.

Начинает смеркаться. Поиски вновь останавливают. Я не могу уехать. Я сижу в машине, смотрю на лес, который становится чёрным, и чувствую себя частью этой тьмы.

Телефон бесконечно вибрирует в кармане. Сообщения, звонки, но всё не о том. Звонят из штаба, звонит секретарь, звонят какие-то люди. Я только успеваю рявкать и орать.

А потом звонок, который я не могу игнорировать.

— Дядь, привет.

Это Дима. Племянник. Он только что вернулся с учений. Он пошёл по моим стопам. Ему уже тридцать, он капитан. Я им гордился и горжусь. Только живёт бобылем. Ни семьи, ни дома. Сплошная служба.

— Что-то не пойму, что говорят, — голос у него тихий. — Это правда?

— Правда, Дим.

— Пиздец.

Он не спрашивает подробностей. Не спрашивает, что я делал. Он просто понимает, что произошла катастрофа. В этом весь Дима.

— Дим, у меня к тебе просьба. Покорми и выгуляй Зевса. А я потом... приеду и...

— Понял, всё сделаю. И тебя дождусь.

Связь обрывается.

Я выхожу из машины. Брожу опять по берегу. Тьма плотная, как мазут. Фонарик выхватывает из мрака только мокрую глину и камни. Я иду туда, к мосту.

Опять звонит телефон.

— Чернов.

— Добрый вечер. Я обозреватель и автор блога о жизни наших горожан, хотела бы...

— Нет.

— Что? Почему? Мы же...

— Я сказал НЕТ! И если где-то что-то промелькнёт, то я с вас шкуру спущу.

Я кладу трубку. Охуели совсем? Журналюги уже свой нос суют? Я, блять, их разнесу!

Гнев. Ярость. А потом разрушающая пустота.

Я снова смотрю на воду у берега. Она чёрная, кипящая, душегубная. Она отняла у меня всё.

Я делаю шаг. Второй. И захожу в её кипящую пучину.

Ледяной шок мгновенно пронзает всё тело, сжимает лёгкие. Я чувствую, как вода хватает меня, как хищник. Наташка моя там. Я иду к тебе, Тата.

Я делаю рывок, чтобы уйти с головой, но сильный, нечеловеческий рывок сзади не даёт мне это сделать. Меня хватают за мокрый воротник, затаскивают обратно. Волокóм, по камням.

Я кашляю, выплёвывая воду, лежу на берегу, задыхаясь.

— Ты ебнулся что ли? — Голос племянника.

Дорогие мои! Уже почти рассвет. Еще 1-2 главы и все узнаем. Потерпите, не могу такое писать кратко и сжато.

Глава 14. Алексей.

— Ты чё творишь?!

Димка орёт во всё горло, перекрывая шум ветра и рокот реки. Его голос бьёт по ушам, как контузия. Он вцепляется мне в плечи, буквально волочит, вырывая из липкой грязи берега к машине.

— Совсем ебнулся?! — его трясёт от ярости и страха. — Чё мне потом делать, а? С тобой, с Зевсом? Ты бухой, дядь? От тебя разит... нет, не водкой. Смертью от тебя разит!

— Отвали... — отвечаю я.

Голос не слушается. Это даже не голос, а какой-то сухой шелест опавшей листвы. Мне вообще похрен на всё сейчас. Мир вокруг превратился в плоское чёрно-белое кино без звука.

— Припёрся... Спасатель, — выдавливаю я, чувствуя, как сознание начинает предательски плыть. — Раз припёрся — заткнись. И вези меня домой.

Он заталкивает меня на переднее сиденье пикапа, захлопывает дверь. Двигатель ревёт. Мы срываемся с места.

В машине должно быть тепло, но мне холодно. Пипец как холодно. Это не тот холод, от которого спасает печка. Это ледяная игла, застрявшая где-то в самом позвоночнике. Зубы выбивают дробь, челюсть сводит так, что больно дышать. А дышать становится всё труднее. Каждый вдох, как через слой мокрой ваты.

Я смотрю в окно на мелькающие чёрные стволы деревьев.

— Куда повернул? — хриплю я, заметив маневр. — Нам дальше. Прямо... домой.

— В госпиталь, — отрезает Дима. Его руки вцепились в руль до белых костяшек. Желваки на лице ходят ходуном.

— Нахуй? — возмущаюсь я, пытаясь выпрямиться, но тело тяжёлое, чужое.

— Тебя, блять, трясёт, дядь! — Дима орет, не оборачиваясь. — Ты горишь! У тебя жар такой, что я через куртку чувствую. Ты не просто простыл, ты на куски разваливаешься!

— Пройдёт... всё пройдёт, завтра уже буду в строю, — я пытаюсь придать голосу командные нотки, но получается какой-то жалкий скулёж. — Домой поехали! Это приказ!

Дима только сильнее вжимает педаль в пол.

— Угу, в строю, бля... Завтра он будет. Вот посмотрят тебя, и тогда решишь, где ты будешь. Хватит барагозить, Алексей Сергеевич!

Госпиталь встречает меня ослепительно белым светом люминесцентных ламп. Этот свет режет глаза, ввинчивается в мозг. Подняться по ступеням у меня едва хватает сил. Ноги, как две бетонные сваи. Одышка не дает возможности вдохнуть нормальную порцию воздуха; я хватаю его ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Дима поднимает кипиш. Врачи, каталки, чьи-то руки... Я отмахиваюсь, рычу.

— Двусторонняя пневмония, — уже через час, который пролетел для меня в каком-то мутном полусне, я слышу вердикт врача. Сухой, как приговор трибунала. — Срочная госпитализация, полковник Чернов. Жидкость в легких, состояние тяжёлое.

— Я отказываюсь, — перебиваю я.

Я стою, пошатываясь. Разворачиваюсь, на ходу накидывая на голый торс куртку. Сухую. Димон свою отдал, а мою – мокрую, тяжёлую от речного ила – забрал силой.

— Как отказываетесь? — Врач, седой подполковник медслужбы, смотрит на меня как на сумасшедшего. — Вы же еле стоите! Нет, нельзя! Вы понимаете риски?!

— Не ори на меня... — я делаю шаг к нему, и мир перед глазами накреняется. — Устав забыл? Так я сейчас... тебе... на-помню...

Фраза рассыпается. Кашель начинает душить. Глубокий, лающий, разрывающий грудную клетку изнутри. Я сгибаюсь пополам, хватаясь за косяк двери.

— Дмитрий Владимирович... — врач беспомощно смотрит на Диму.

Только я уже за дверью. Ничего не слышу. Удумали... в палату меня запереть. Мне Наташу искать надо! Я туда даже полуживым поползу! Если я лягу – я сдамся. А я не сдамся.

— Дядь! — Дима догоняет меня у самого выхода. — Тебе сказали — нельзя! Надо лечь, прокапаться! Ты же сдохнешь через пару часов!

— Тебя тоже... послать? — хриплю я, закашливаясь кровью вперемешку с мокротой. — Всё, я сказал. Домой!

И мы опять едем. Ночная дорога расплывается в одно сплошное серое пятно.

Дома я едва нахожу в себе силы вылезти из машины. Каждое движение — это бой. Ноги свинцовые, тело, как будто не моё, а какого-то дряхлого старика. Димка пытается помочь, подхватить под локоть, но я отталкиваю его руку. Сам. Я должен всё сам.

У порога касаюсь головы пса. Зевс тихо скулит, тычется холодным носом в мою ладонь. Я не могу смотреть ему в глаза. В них тот же вопрос, который выжигает мне сердце. *Где она?*

Я ползу в ванную.

Мне откровенно говоря хуево. Но моей Наташе... моей Тате в тысячу раз хуже. Где она сейчас? На каком холодном берегу? В какой ледяной яме?

Я опускаюсь на пол ванной, прислоняюсь головой к кафелю. Он холодный, и это на секунду приносит облегчение.

— Господи, помоги мне... — шепчу я в пустоту, и слёзы сами катятся по лицу, смешиваясь с испариной. — Забери мою жизнь, слышишь? Забери её к чертям! Сделай инвалидом, сотри в порошок... но Наташа... Наташа пусть будет в целости. Умоляю тебя! Ну кто там наверху?! Помоги ты мне хотя бы раз! Не о чем больше тебя никогда просить не буду... обещаю!

Я пытаюсь смыть с себя речную грязь, но руки не слушаются. Кое-как скидываю вещи, в глазах – сплошная муть. Двигаюсь чисто по памяти, на ощупь. Если мои копошения вообще можно назвать движениями.

Доползаю до зала. До дивана.

В спальню... нет. В спальню без неё я не зайду. Там слишком много её запаха. Там я просто не выживу.

Валюсь на диван как мешок. Сознание начинает схлопываться.

Чувствую, как меня укрывают чем-то тяжёлым и тёплым. Чувствую мокрое, осторожное касание к ладони — Зевс.

— Пей, — голос Димы доносится как будто из-под воды.

Я даже глаз открыть не могу. Веки весят по тонне каждое.

— Давай, лекарство... пей! — уже громче, требовательнее.

Я пытаюсь сквозь удушливый кашель сделать хоть глоток. Жидкость обжигает горло, но я её почти не чувствую.

И тут накрывает окончательно. Ощущение дрянное, липкое. Жар становится невыносимым. Я перестаю понимать, где я и кто я. Лица людей превращаются в размытые пятна, звуки — в белый шум.

В легких будто разлили расплавленный свинец. Я глотаю воздух, широко открывая рот, ещё и ещё... а его нет. Он не поступает. Я тону. Тону прямо здесь, на диване, в своем доме.

Последнее, что я слышу перед тем, как окончательно провалиться в черную бездну – сорванный голос Димы в трубку телефона:

— Срочно! Улица Краснознаменская, дом три! Я встречу у подъезда! Быстрее, он почти не дышит!

Тьма смыкается.

Глава 15. Наташа.

Солнце сегодня необычайно яркое для этого времени года. Оно слепит, отражаясь от золотистой соломы, рассыпанной у входа в манеж, и заставляет щуриться. Я вдыхаю густой, родной запах: сухая трава, кожаная сбруя и тёплый, чуть пряный аромат лошадиного пота. Этот запах — мой якорь, моя терапия от всех невзгод. В нём нет вопросов, на которые я не знаю ответов. В нём только «здесь и сейчас».

— Ногой, Таш, плотнее прижимай шенкель. Не бойся его, Магнат сегодня в настроении, — раздаётся спокойный, глубокий голос Артёма.

Я послушно сжимаю бока коня. Огромное животное под до мной чутко вздрагивает и переходит на уверенную рысь. Ветер бьёт в лицо, выбивая пряди волос из-под шлема. В такие моменты я чувствую себя почти... целой. Как будто скорость может заполнить те дыры в голове, которые оставило мне прошлое.

— Молодец! Вот так, держи ритм! — Артём стоит в центре круга, прищурившись.

Он всегда рядом. С того самого дня, когда меня, едва живую, нашли. Он и нашел. Он помог мне встать на ноги, когда я не знала даже собственного имени. Помог его вспомнить и…

Я натягиваю поводья, замедляя ход, и направляю Магната к выходу. Спрыгиваю на землю. Ноги пружинят, в мышцах приятная усталость.

— Ты сегодня превзошла себя, — Артём подходит ближе, забирает повод и набрасывает на плечи лёгкую куртку. — Ещё пара занятий, и можно будет выходить в открытое поле.

Я улыбаюсь, смахивая пот со лба.

— Это всё он, — киваю я на жеребца. — Он сегодня удивительно покладистый.

Я поднимаю руку, чтобы поправить выбившийся локон, и мои пальцы привычно, почти машинально, натыкаются на шрам. Тонкая, едва заметная полоска плотной ткани тянется от скулы, уходит за ухо и теряется в волосах.

Каждый раз, когда я касаюсь его, моё сердце делает лишний, неровный толчок. Этот шрам — единственное письмо из «той» жизни, которое я так и не смогла прочитать. Врачи говорили, что это след от сильного удара, возможно, что стало и причиной почему я в неведении. Но для меня это печать. Граница между женщиной, которой я когда-то была, и той Наташей, которую я собрала по кусочкам здесь, в маленьком городке у подножия гор.

— Опять? — тихо спрашивает Артём. Он всегда замечает этот жест.

— Просто задумалась, — я стараюсь, чтобы голос звучал беспечно. — Иногда мне кажется, что память — это комната с запертой дверью. Я стою перед ней, слышу звуки, музыку, голоса... но ключ потерян.

— Может, оно и к лучшему, Наташ? — Он делает шаг ко мне, заглядывая в глаза. В его взгляде столько тепла, что в нём хочется утонуть и больше не искать никаких ключей. — Если мозг спрятал это от тебя, значит, там было слишком страшно. Значит, там был ад. Зачем тебе возвращаться в огонь, если сейчас ты здесь, в тишине? Ты жива. Ты в безопасности.

Я киваю, но внутри что-то протестует. Это «что-то» похоже на фантомную боль — когда конечности нет, но она зудит.

— Я знаю, Артём. Я правда счастлива. Но... иногда мне снится вода. Чёрная, кипящая вода, которая тянет меня вниз. И кто-то зовёт меня. Не по имени, а как-то иначе. По-другому.

Артём на секунду замирает, его пальцы на поводьях сжимаются чуть сильнее, чем нужно, но он тут же расслабляется.

— Это просто сны, Наташ. Последствия травмы. Пойдём, скоро обед. Тебе нужно отдохнуть.

Мы идём по направлению к дому, мимо цветущих клумб. Моя жизнь теперь размеренна и логична. Утренние тренировки, работа, тихие вечера. Три года. Достаточный срок, чтобы построить новый мир на пепелище старого.

Я смотрю на свои руки — на них нет обручального кольца, только едва заметный след на безымянном пальце, который почти стёрся за это время. Или мне просто хочется верить, что он стёрся?

Я захожу в дом, где пахнет деревом и свежим хлебом. В прихожей я на мгновение останавливаюсь у зеркала. Смотрю на своё отражение. Три года назад я была другой. Я чувствую это по тому, как я теперь улыбаюсь — осторожно, будто боюсь спугнуть это хрупкое равновесие.

Я выжила. Я относительно здорова. У меня есть человек, который оберегает мой покой.

Но почему тогда, когда на город опускаются сумерки и ветер начинает шуметь в листве, мне хочется бежать? Куда-то на север, туда, где небо вечно затянуто тучами, а воздух пахнет тревогой и сталью?

Я встряхиваю головой, прогоняя наваждение.

— Наташа, ты идёшь? — зовёт Артём из кухни. — Тут тебя уже ждут.

— Иду, — откликаюсь я.

Глава 16. Наташа.

Солнечный зайчик нерешительно замер на пушистом ворсе ковра, перебираясь с одной ворсинки на другую. Я приоткрываю дверь в детскую, стараясь не скрипнуть петлями и половицами старенького дома, в котором мы живем.

Воздух здесь особенный — он пахнет детским шампунем, лавандой и тем непередаваемым ароматом абсолютной чистоты, который бывает только там, где живет маленькое, защищенное от всех бед счастье.

– Ну как ты, моя зайка? — шепчу я, заглядывая внутрь.

Мое чудо уже сидит на кровати. Растрепанная после долгого дневного сна, в пижаме с крошечными белыми облаками, она смешно потирает глазки кулачками, пытаясь окончательно прогнать остатки дремоты.

— Выспалось мое сокровище?

Тонкие ручонки мгновенно тянутся ко мне. Этот жест – «возьми меня на ручки», каждый раз заставляет мое сердце совершать кульбит. Я подхватываю её, прижимаю к себе и вдыхаю запах её макушки, чувствуя, как внутри разливается тепло. С удовольствием дарю всю нежность, которая накопилась во мне за эти три часа, пока она спала. Моей дочери два годика с небольшим. Её зовут Мира. И она – мой личный подарок от Вселенной. Настоящий, осязаемый и самый ценный во всей моей нынешней жизни.

То, чего мне стоило её появление на свет… вспоминается тяжело, обрывками, сквозь пелену боли и страха. Но если бы мне сейчас сказали, что нужно еще раз пройти через всё это… через грань жизни и смерти, я бы не сомневалась ни единой секунды. Она — мое всё. Единственный якорь в мире, где у меня нет прошлого.

— Пи... — доносится тихий, еще не совсем уверенный голос от моего плеча.

Да, ей всего два, она только учится складывать звуки в слова, и это дается нам с большим трудом. Мы пострадали с ней обе. Мира перенесла тяжелую гипоксию, пока я блуждала между жизнью и смертью. А после.. ох, что было когда я очнулась…

То, что она сейчас здесь, что она дышит — заслуга врачей, к которым я попала почти в бессознательном состоянии. И, конечно, Артёма. Он выхаживал сначала меня, похожую на бледное подобие человека, а потом и крошечную, слабую Миру.

— Пей, родная, — я протягиваю ей поильник с водой. — А кушать будем? Время полдника.

— Дя, — напившись, серьезно отвечает мое сокровище.

Я стараюсь проводить с дочкой каждую свободную минуту. Его не так много, потому что я уже вышла на работу. Как оказывается… я на удивление хорошо шарю в медицине. Без диплома, без официального прошлого я ничего не могу требовать, но я знаю, как остановить кровотечение, как рассчитать дозировку, как понять состояние пациента по одному взгляду. Поэтому сейчас Артём всеми силами старается оформить мне документы, чтобы я могла работать хотя бы медсестрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.